

Ночной разговор.

Лирическая трагедия.

Моноспектакль.

На авансцену выходит Ирина

Добрый вечер. Как сейчас принято говорить – спасибо, что к нам пришли. Сначала несколько слов о том, что вас сегодня ожидает.

Я думаю, с каждым такое бывает. Жизнь нелегкая, напряжение, нервы. Ночь, полночь, а сна ни в одном глазу. Во всяком случае, у меня бессонница частый гость.

Не знаю, как вы, а я в таких случаях не считаю баранов или верблюдов. знаю. что это бесполезно. Я поступаю иначе - мысленно беседую с кем-нибудь из любимых кумиров, разумеется, с теми, чье творчество неплохо знаю. А сейчас интернет дает возможность довольно подробно узнать их жизненный путь, их взгляды. И я не просто беседую, а спорю с ними. Я задаю неудобные вопросы, сама делаю смелые предположения, пытаюсь докопаться до истины - ночью и наедине с собой меня не ограничивают никакие условности. Я могу спросить и сказать то, что при дневном свете звучало бы слишком смело. Этим и отличается ночной разговор наедине с собой. Конечно, задаю вопросы я, и отвечаю тоже вроде бы я, но, поверьте мне на слово, порой – и довольно часто - ответ бывает таким неожиданным и глубоким, что невольно возникают сомнения, а нет ли у меня невидимого собеседника? Может спиритизм в какой-то форме все-таки существует? Ночь, тишина, неясные тени, полусонное состояние, чудится всякое...(Игра светом, затемнение, на сцене загорается лампа на тумбочке, шорохи).

В таких случаях родные меня утром спрашивают:

- Не выспалась? Опять полночи брала интервью? У кого на этот раз?

С их легкой руки и прижилось название «Мои интервью». Именно они и предложили мне попробовать представить на ваш суд одно из таких полуночных бдений.

Часто моим собеседником становится Марина Цветаева. Тем более, что Цветаева – это известно – была склонна если не к мистике, то к чему-то очень похожему. И я, как вы уже наверно догадались, тоже (*улыбается*) в этом не без греха.

А если серьезно, почему Цветаева? Это как раз понятно. Талант от бога, необыкновенная сила, прямота и открытость чувств, то что она сама в в одном стихотворении называет «душа, не знающая меры» и «душа, достойная костра».

Это прекрасный язык, это не синтетика, популярная в наше время, в жилах её лирики кровь, а не водица. Словом, это Цветаева.

Я люблю читать и для себя и со сцены ее стихи. Я о ней знаю очень много, но еще больше, намного больше не знаю. Впрочем, как и все, хотя написано и сказано о Цветаевой предостаточно. Очень сложная и трагическая судьба необыкновенно талантливой женщины, классика, гордости русской поэзии. Ей довелось жить, творить и

страдать в страшные годы, когда советская власть уничтожила или разогнала по свету всю нашу интеллигенцию.. И в конце концов вполне закономерно, что именно советская власть поставила трагическую точку в ее судьбе.

. Она была человеком сложным, очень противоречивым, большой талант редко бывает простым, и это тоже привлекает внимание. А кроме всего прочего интерес к жизни Цветаевой подогревается еще и тем, что её судьба порой напоминает странный детектив, сочиненный каким-то сумасшедшим автором, настолько все неожиданно и непредсказуемо.

Это моё личное мнение, я просто попытаюсь кое в чем разобраться - как уже говорила для себя - и почитать любимые стихи замечательного поэта. Неплохое сочетание. И постараюсь, чтобы ночная прямота и решительность меня не оставили.

(Должны быть нерезкие перемены, но «Цветаева» более трагична. Но все мягко, не назойливо. Две основные вещи – на сцене должно быть два человека и хорошо читать стихи).

Разобрались? Вот такая заявка. Есть ли в этом мистика – решать вам.

Начнем.

Примерно так. За полночь. Не спиться. (игра светом, на сцене становится еще темнее).
Лежать надоело, сижу в кресле. .

Рядом на тумбочке планшет. Стихи читает наизусть, цитаты подыскивает в планшете.

И. Нет, не усну... И стараться не стоит. Я лучше... Марина Ивановна! Я давно хотела у вас кой о чем спросить

М. Опять не спится? Ирина, но я просила – почему снова Ивановна?

И. Ну как почему, почитание, классик... гордость русской поэзии. Любимый поэт - как и вы я не люблю слово поэтесса, как-то мельчит. Как же без отчества.

М. Отчество вовсе не признак почитания, особенно в ваше время. Скорее наоборот. Для известного человека и одной фамилии достаточно. И потом... Ирина, это несправедливо. Я моложе вас. Мне 48 лет было... и остается. Ну, хорошо, не обижайтесь, и я не буду. Значит Марина и Ирина! Рифмуется.

А почему вы не спите? Почитали бы что-нибудь перед сном на ночь, глядишь... Можно и мои, из «Волшебного фонаря» или «Вечернего альбома». Первые ещё юношеские сборники...

И. Я почитала. Вот теперь и не сплю...

Кто спит по ночам? Никто не спит!
Ребенок в люльке своей кричит,
Старик над смертью своей сидит,
Кто молод — с милою говорит,
Ей в губы дышит, в глаза глядит.

Заснешь — проснешься ли здесь опять?

Успеем, успеем, успеем спать!

А зоркий сторож из дома в дом
Проходит с розовым фонарем,
И дробным рокотом над подушкой
Рокочет ярая колотушка:

— Не спи! крепись! говорю добром!
А то — вечный сон! а то — вечный дом!

Давайте лучше поговорим. А кстати есть тема.

М. Понятно. Какое еще неожиданное открытие в моей биографии вы сделали?

И. Представьте себе сделала и очень серьезное. Я буду говорить прямо, без обиняков. Мы ведь так уславливались? Ночкой разговор. Ваше место на литературном олимпе ни у кого сомнений не вызывает. Но Цветаева как человек... Часто можно услышать: «Она всегда была...» - и следует стандартный набор. Нелегкий характер, сомнительное поведение, бестактность, демонстративное пренебрежение общественным мнением и прочее, и прочее в этом же духе. Весь этот набор считается врожденным и неизменным. Стандарт.

М. Это несправедливо. (*входит в раж*). Говорят – кому много дано, с того много спрашивается. Я бы сказала иначе – кто дает людям много, с того нужно не только спрашивать, но и давать... немного свободы, возможность искать и ошибаться. Не судить, не рядить сплеча, вкривь и вкось. Все-таки быть ...аккуратней. Дал вам поэт стихи – читайте. Оставьте мою жизнь в покое, хотя бы после того как я ушла. Что сказала, с кем спала, какого пола... к чему это все? Если автор хороший семьянин и любящий отец, понравится ли мне больше по этой причине его книга? Не думаю. Почему же должно быть наоборот? Не нужно объединять автора и его творчество. Ирина, что вас так удивило?

И. Оставить в покое вашу жизнь? А что же тогда читать? Ваши стихи и есть ваша жизнь! Брюсов сказал: «Когда читаешь ее книги...появляются уже не поэтические создания, но просто страницы чужого дневника». Ваши книги это откровенный поэтический рассказ о вашей жизни. Не напрасно о них говорят – «дневник души», или «дневник чувств». И именно эти стихи - Цветаева, которую мы любим. Основа ваших стихов - чувства, открытые для всех.

Но я о другом. Точнее о других. О тех, кто мажет все одной краской. Все сложнее и не так однозначно. Вас, Марина, жизнь бросала из огня да в полымя, каждый этап был не похож на па другой, ничего общего. И вы... не то, что бы каждый раз становились другим человеком... хотя, можно сказать и так. Но точнее будет - вы открывались с новой, неожиданной стороны. Как с хорошей, так и – скажу помягче – увы, с печальной. Со знаком плюс или со знаком минус.

М. Что в этом странного, человек с годами меняется..

И. Но не тогда, когда ваша предыдущая жизнь не даёт никаких оснований для таких перемен. Каждый раз неожиданный поворот. Не только сумасшедший автор, который трудился над вашей биографией, но и вы, Марина, тоже не переставали удивлять.

М. (*с иронией*) Я не ошиблась, у вас действительно новое открытие. Тогда, пожалуйста, поподробнее, чтобы могла, наконец, разобраться в своей биографии.

И. Хорошо, с удовольствием. Тем более и сон пропал окончательно и бесповоротно.

Начнем сначала. С начала вашей жизни. До двадцати лет. Это были беззаботные детские и юношеские годы в России, в Италии, во Франции. Потом опять Россия до революции. Культурная, обеспеченная семья, отец известный филолог, мать прекрасной души человек, талантливая пианистка, немного художник, немного поэт. Замечательная семья. Все было прекрасно.

Вы, Марна очень рано поверили в свое предназначение, за это время вышло два сборника стихов – «Вечерний альбом» - вам было 18 лет, и «Волшебный фонарь» - не было и двадцати. Романтические, светлые, стихи, в них уже видны мастерство и талант Цветаевой. Кстати, стихи из этих сборников сейчас вошли в моду, и пользуются большим спросом у исполнителей. Одно из них оказалось пророческим:

Моим стихам, написанным так рано,
Что и не знала я, что я - поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
- Нечитанным стихам! -
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

Оттуда и берет начало необыкновенная искренность ваших стихов. Что в душе, что на уме, то и в стихах. Именно об этих сборниках писал Брюсов - «страницы чужого дневника». По этим страницам с полным доверием можно судить об авторе. Вы в те годы были ромаетиком, человеком цельным и даже немного наивным. А об эпатаже, легкомыслии или фривольности даже и речи быть не могло.

Что немного удивляет в этих сборниках - слишком часто, учитывая возраст и счастливый период вашей жизни, возникает тема смерти.

Уж сколько их упало в эту бездну,
Разверстую вдали!
Настанет день, когда и я исчезну
С поверхности земли.

Застынет всё, что пело и боролось,

Сияло и рвалось.
И зелень глаз моих, и нежный голос,
И золото волос.

И будет жизнь с её насущным хлебом,
С забывчивостью дня.
И будет всё — как будто бы под небом
И не было меня!

— К вам всем — что мне, ни в чём не знавшей меры,
Чужие и свои?! —
Я обращаюсь с требованьем веры
И с просьбой о любви.

За то, что мне — прямая неизбежность —
Прощение обид,
За всю мою безудержную нежность
И слишком гордый вид,

За быстроту стремительных событий,
За правду, за игру...
— Послушайте! — Ещё меня любите
За то, что я умру.

Многие рассматривают это как комплекс, считают предвестником трагедии в Елабуге. Я, Марина, так не думаю...

М. Какой там синдром, молодежная рисовка, не больше. И вспомните, какое тогда было время. Начало двадцатого века, перед первой мировой войной. Темы отчаяния и смерти были не только модными, они витали в воздухе. Нет, я уверена это была дань моде. Но, Ирина, мне кажется, вы нарисовали слишком розовый портрет на основании стихов. В жизни так не бывает. И я не пойму...

И. Не только стихи. И ваша жизнь. Единственной долгой вашей любовью до встречи с мужем начиная с детских лет был герой пьесы Ростана «Орленок», давно почивший в бозе сын Наполеона герцог Рейхштадский. Затем счастливый брак по любви с Сергеем Эфроном. По любви?

М. Конечно по любви. .(мечтательно)

Писала я на аспидной доске,
И на листочках вееров поблеклых,
И на речном, и на морском песке,
Коньками по льду и кольцом на стеклах,

И на стволах, которым сотни зим,
И, наконец -- чтоб было всем известно! --
Что ты любим! любим! любим! -- любим!
Расписывалась -- радугой небесной.

И. Родилась дочь Ариадна. Вам было двадцать лет все было не просто хорошо, а прекрасно. И кто мог предполагать, что после рождения дочери произойдёт кризис, я бы сказала перерождение. Это не сплетни, не досужий вымысел, мы не подсматривали никуда, никуда не заглядывали, вы нам сами в стихах рассказали, что с этих двадцати лет, о которых только что вспоминали, вы неожиданно бросились с головой и даже очертя голову в плаванье по бурному морю, а может даже океану самых разных влюблённостей. Это и был поворот судьбы. Возможно, поворот назывался Софией Парнок, но скорей всего это был только спусковой крючок. Тогда появились другие стихи, в том числе с очевидным сафическим подтекстом. Ныне он называется лесбийским.

Подруга.

Вы счастливы? - Не скажете! Едва ли!
И лучше - пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной-
Красноречив!

Я Вас люблю. - Как грозовая туча
Над Вами - грех -
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни - разны
Во тьме дорог,
За Ваши вдохновенные соблазны
И тёмный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас - хоть разорвись над гробом!
Уж не спасти!

За эту дрожь, за то-что - неужели
Мне снится сон? -
За эту ироническую прелесть,
Что Вы - не он.

«Вы не он», куда еще нужно заглядывать, что неясно? И кому не известна была ваша продолжительная близость с Софией Парнок, которая действительно «не он». Демонстративная и в стихах и в жизни.

М. (*смутилась*) Я никогда не считала себя ангелом, просто говорила все открыто. В том числе и то, что обычно скрывают. Но, Ирина, если вы действительно много обо мне читали, то знаете - немало понято превратно ...

И. Да, я знаю, что у вас свое, расширенное определение влюблённости, которое многих сбивало с толку. Большую часть этих влюбленностей обычные люди бы назвали так – я этим человеком восхищаюсь. Может даже перед ним преклоняюсь. Романы эти часто были эпистолярными. Ахматова, Рильке, Мандельштам, Пастернак. Имя им легион. И любовь нередко была платонической, но - тоже нередко - вполне земной. И стихи, стихи, стихи...

М. Да, я любовь ценила выше всех чувств. Что за стихи были бы, если бы в них говорилось - ценю, уважаю, какой вы талантливый. А так - люблю - и сразу все ясно.

Анне Ахматовой

Узкий, нерусский стан
Над фолиантами.
Шаль из турецких стран
Пала, как мантия.

Вас передашь одной
Ломаной черной линией.
Холод - в весельи, зной -
В Вашем унынии.

Вся Ваша жизнь - озноб,
И завершится - чем она?
Облачный - темен - лоб
Юного демона.

Каждого из земных
Вам заиграть - безделица!
И безоружный стих
В сердце нам целится.

В утренний сонный час,

- Кажется, четверть пятого, -
Я полюбила Вас,
Анна Ахматова.

И. А мне очень нравится «Мандельштаму».

Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!

Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.

Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалежиям
Лавровая твоя верста...—

Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика,—
Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Видавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник — прости!

В нескольких строках такой живой, замечательный образ. Я теперь Осипа Мандельштама иначе и не представляю. Его отношение к вам, ваше отношение к нему. «Вольноотпущенник – прости»! И все это в нескольких строках.

А ведь он ездил за вами в Крым. И жена Мандельштама писала: «Меня смущает связанное с ней равнодушие к людям, которые в данную минуту не нужны или чем-то мешают “пиру чувств”... Удивительное сочетание неистовства и равнодушия». Но может быть она пристрастна, не справедлива? Или у нее есть для этого основания?

М. Ирина, я не Кармен. Это были, как вы сказали, увлечения, а не страсти. Никому я не собиралась калечить жизнь, разрушить семью, а, кстати, и сама была замужней женщиной. Легкомыслие – да, конечно.

Легкомыслие! - Милый грех,
Милый спутник и враг мой милый!
Ты в глаза мне вбрызнул смех,
Ты мазурку мне вбрызнул в жилы.

Научил не хранить кольца, -
С кем бы Жизнь меня ни венчала!
Начинать наугад с конца
И кончать еще до начала.

«И кончать еще до начала» - скорее в вину мне можно было поставить, что я избегала серьезных продолжительных связей. Даже - между нами, Ирина - часто старалась не доводить дело до близости, чтобы увлечение увлечением и оставалось.

И. Не сомневайтесь, вам это в вину ставилось. Об этом много пишут. О том, что ваши влюбленности влюбленностью чаще всего и заканчивались. И по вашей инициативе. Эмоции, восторги, стихи – для вас этого было достаточно. Одна влюбленность сменяла другую. Как у Пушкина: «Одна заря спешит другую сменить, дав ночи полчаса». Но вы и полчаса на смену не давали.

И еще одно. Когда влюбленность неожиданно исчезала, а чаще просто менялся ее адрес, вас не очень волновало, что происходило дальше с пострадавшими. Я имею в виду и героев романов и тех, кто был с ними рядом, кто их любил. Именно об этом посмела жена Мандельштама. Это не могло не застраивать против вас.

А знаете, что еще раздражало высокоморальную часть общественности, особенно женскую ее половину? Что вы были в большинстве случаев нападающей стороной. Своих чувств ни от кого не скрывали. Часто передовым отрядом были стихи. Вы не ждали милости от природы. Об этом тоже много написано. Вы атаковали. Вроде бы мужской стиль. Где традиционная женская скромность?

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес — моя колыбель, и могила — лес,
Оттого что я на земле стою — лишь одной ногой,
Оттого что я тебе спою — как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца —
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других — у той, одной,
Ты не будешь ничей жених, я — ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя — замолчи! —
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Если не ошибаюсь, эти стихи как-то связаны с Александром Блоком. Но, Марина, это в ваше время определенно был «мове тон». Требовалась смелость и уверенность в своих

силах. Хотя сейчас в наше время такое сплошь и рядом И даже является скорее правилом, чем исключением.

М. Тогда я вас удивлю. И немного развлеку. А то мы слишком серьезны. Да, я чаще атаковала, чем оборонялась. И проблемы скромности меня не слишком волновали. Это действительно вызывало бурю возмущений. Но интересно, меня «скромные» женщины обвиняли в хитрости и расчетливости. Меня - в расчетливости! Они говорили, что наступающая женщина сознательно - если она не дура - пользуется слабостью мужчин, тоже воспитанной веками. Тоже традиционной.

И. Какой слабостью?

М. Мужчина по своей природе не может пройти мимо того, что плохо лежит. Тем более, если хорошо лежит. Соблазнительно. Не удержится, возьмёт то, что ему предлагают, даже если у него не то что желания, а и мысли такой прежде не возникало. Была в мое время целая дискуссия. В чем-то я с этим согласна.

И. (*удивлена, поражена*). Я этого не знала! И вы не можете знать то, что неизвестно мне. Как такое возможно? Ущипните меня.

М. Я не могу ущипнуть. Я только в вашем сознании. Я - это вы, Ирина. Успокойтесь. Запомнили или не обратили внимания, а теперь подсознание напомнило.

И. Хорошо, постараюсь. Но на всякий случай все-таки спрошу – нападение действительно помогает?

М. (*чувствуется улыбка*). На всякий случай отвечу. Бывает по-разному. Иногда и сама не поймешь.

Под лаской плюшевого пледа
Вчерашний вызываю сон.
Что это было? — Чья победа? —
Кто побежден?

Все передумываю снова,
Всем перемучиваюсь вновь.
В том, для чего не знаю слова,
Была ль любовь?

Кто был охотник? — Кто — добыча?
Все дьявольски-наоборот!
Что понял, длительно мурлыча,
Сибирский кот?

В том поединке своеволий
Кто, в чьей руке был только мяч?

Чье сердце — Ваше ли, мое ли
Летело вскачь?

И все-таки — что ж это было?
Чего так хочется и жаль?
Так и не знаю: победила ль?
Побеждена ль?

Да, я любила состояние влюбленности. Но сейчас понимаю, оно мне было необходимо для творчества. Какая лирика тез влюбленности? Главным в моей жизни всегда было творчество. Ради него я жертвовала многим. И собой. И не только собой. А продолжая современный стиль интервью, скажу прямо – меня гораздо больше волнует отношение читателей, и вас, Ирина, к моим стихам, чем ко мне.

И. Но пойдём дальше. Не только о чувствах, но и о реальной жизни, За эти годы в мире многое произошло, кроме того, о чем мы с вами поговорили. Первая мировая война, революция в России, голод и разруха. Новый ужасный этап не только для вас, но для страны. Вы остались одна с двумя детьми в голодной Москве - на три с половиной года исчез ваш муж Сергей Эфрон, ушел в белую армию. Страшные годы. И для вас не легкие, но удивительно успешные и плодотворные. Как такое могло произойти? Одна ваша недоброжелательница до революции писала: «Своевольная, разбалованная, человека, более далекого от поисков хлеба насущного, трудно себе представить». И я, простите, во многом с ней согласна. Но вы, Марина, снова перевоплотились - почти по Станиславскому.

Вот только краткий перечень достижений этих трех с половиной лет. Вы много работали, вошли в среду литераторов, пока еще не полностью разогнанных большевиками, за эти годы стали признанным писателем. Был опубликован сборник «Версты», встреченный - пишут – с восторгом.

Далее (*читает в планшет*) «Лебединый стан», большой фольклорный цикл – поэмы, сборники.

(*читает с легкой иронией*)

К озеру вышла. Крут берег.
Сизые воды в снег сбиты,
На голос воют. Рвут пасти --
Что звери.

Кинула перстень. Бог с перстнем!
Не по руке мне, знать, кован!
В серебро пены кань, злато,
Кань с песней.

Фольклорный цикл меня не увлек... Признаюсь. Но я только читатель, то есть человек, который может позволить себе читать то, к чему душа лежит. Не все. Вы написали семь драматических произведений! Семь! Пьес! Их я тоже почти не читала. Огромный объем.

Работали в трех наркоматах (а муж был в белой армии), в том числе последние годы в театральном отделе Наркомпроса. Стали своей в театральной среде, возникли прочные связи с театром Вахтангова, влюбленности в режиссера, а так же в некоторых поэтов и не поэтов. Благоговеющая любовь и дружба с блестящим осколком старого мира, бывшим директором императорских театров князем Сергеем Волконским. Дружеские связи с большими актрисами - Аллой Константиновной Тарасовой и Анастасией Платоновной Зуевой, тогда еще молодыми. Очень теплые романтические - не эротические! - отношения с молодой актрисой студии МХАТ любимицей театральной Москвы Сонечкой Голлидэй, которую вы называли своей Музой.

Ландыш, ландыш белоснежный,
Розан аленький!
Каждый говорил ей нежно:
«Моя маленькая!»

— Ликом — чистая иконка,
Пеньем — пеночка... —
И качал её тихонько
На коленочках.

Ходит вправо, ходит влево
Божий маятник.
И кончалось всё припевом:
«Моя маленькая!»

Вот такой характер. Спустя годы, уже в эмиграции, когда вы узнали о её смерти, то написали прекрасную «Повесть о Сонечке».

М. Между прочим, в Москве режиссеру, о котором вы упомянули - это был Юрий Завадский - я посвятила шуточные стихи. Неплохие. Давайте немного отвлечемся.

Не любовь, а лихорадка!
Легкий бой лукав и лжив.
Нынче тошно, завтра сладко,
Нынче помер, завтра жив.

Бой кипит. Смешно обоим:
Как умен — и как умна!
Героиней и героем
Я равно обольщена.

Жезл пастуший — или шпага?
Зритель, бой — или гавот?
Шаг вперед — назад три шага,
Шаг назад — и три вперед.

Рот как мед, в очах доверье,

Но уже взлетает бровь.
Не любовь, а лицемерье,
Лицедейство — не любовь!

И итогом этих (в скобках —
Несодеянных!) грехов —
Будет легонькая стопка
Восхитительных стихов.

И. Не устаю удивляться вашей - как говорят специалисты - палитре. Читаю из интернета:

«Какое разнообразие. От лёгких искрящихся и пенящихся стихов, до страстных, напряженных, глубоких, философских, даже иногда перегруженных новаторством и фольклором. Это не просто мастерство, а мастерство, помноженное на талант». Я полностью согласна с автором этих строк. Огромный диапазон.

М. Дифирамбы? От вас? В ночном интервью? Это подозрительно. Нужно ждать неприятностей.

И. Вы не ошиблись. Приступаю. Так все-таки, почему у вас все так удачно складывалось в литературе, общественной и личной жизни? А время было, повторяю, тяжелое, страшное. В чем причины успехов? В основном, разумеется, ваша заслуга. Талант, энергия, сметающая преграды, уверенность в себе. Жесткость, которой раньше не было. У прежде абсолютно независимой женщины обнаружилось умение приспособливаться. Марина, не хмурьтесь, ночной разговор!

Но и... и потому что вам никто не мешал. Я не имею в виду мужа, он никогда ни в чем не был помехой... Я не в осуждение, просто констатация факта... А если честно, то затягиваю время, набираюсь мужества, чтобы перейти к следующей теме. Я до сих пор в это поверить не могу. Ну, хорошо! (*решилась*) Никто не мешал, потому что вы, Марина в это страшное время отдали своих двух девочек – двухлетнюю Ирину и семилетнюю Ариадну в приют. В голове не укладывается! Отдавать в приют в 1919 году ДВУХЛЕТНЕГО ребенка практически равносильно вынесению ему смертного приговора. И спустя короткое время этот приговор был приведен в исполнение. Девочка умерла.

Любая попытка оправдать этот поступок безнадежна.

Тогда всем было плохо, очень плохо. И вам. Но единодушное свидетельство современников – вы могли прокормить детей. Все-таки у вас была официальная работа, комната в Борисоглебском переулке, вы прилично одевались – положение в обществе обязывало. Не перерабатывали на службе, были вещи на продажу. У меня есть только одно объяснение, хотя оно коробит – действительно не было возможности нанять женщину, которая бы ухаживала за детьми, и у вас режим жизни был бы другим. Мешал бы успехам в перечисленных выше областях.

Эта ужасная история содержала ещё ряд поистине безобразных обстоятельств. Мы знаем, бывают случаи, когда родители сплавляют детей бабушкам, в сказках мачеха приказывает отвести падчерицу в лес на смерть...Мачеха! Кстати о мачехе. У хорошо одетой ухоженной дамы детей в приют не принимали, поэтому вы устроили их через третьих лиц и... научили девочек говорить, что вы им не мать. «Мать и мачеха».

А финал – в конце концов вы старшую все-таки забрали из приюта, она там болела. даже шла кровь горлом. Потом сестры мужа помогли её выходить. А младшую оставили. Результат известен.

Я почитаю вам письма Ариадны из приюта. Она вас зовет Мариной. *(Берет планшет)*. Нет, не могу. Читайте вы, вам адресовано.

(Очень сложный и важный момент. Когда-то Марина их уже читала, но тогда ее эти письма не трогали, теперь видит другими глазами. Важно не переиграть)

М. Милая Марина! Как грустно! Как разрывает сердце разлука! Здесь жара. Печаль об Вас! Так печально без Вас.

У Вас я ела лучше и наедалась больше, чем у этих. О мама! Если бы Вы знали мою тоску. Я не могу здесь жить. Я не спала еще ни одной ночи еще. Нет покою от тоски и от Ирины. Тоска ночью и Ирина ночью. Я страдаю! Мамочка! Ирина сегодня ночью обделалась за большое три раза! Я с ней спала. Сегодня должна приехать Лидия Александровна. Ирина отравляет мне жизнь. Тоска днем и Ирина днем. Марина, я в первый раз в жизни так мучаюсь. О как я мучаюсь, как я Вас люблю. Я низачто не пойду в школу. Там не то не то. Мне нужны Вы. Всё время у меня тяжелая голова, и думаю, думаю, думаю об Вас.

О, как мне было с Вами хорошо. Вчера было Воскресение. Но мне не был тот день Праздником, он был мне тяжелой ношей. О приют.

О Марина! я всё та же, та же! Если бы Вы приехали. О какое было бы счастье. О милая Марина! Прийдите ко мне, поцелуйте меня.

Я не могу пережить месяца здесь, из-за Ирины.

Я Вас люблю, я Вас люблю, и больше ни-че-го.

«Мама! Я повешусь, если Вы не приедете ко мне, или мне Лидия Алекс<андровна> не даст весть об Вас! Вы меня любите? Господи, как я несчастна! Из тихой тоски я перехожу в желание отомстить тому, кто это сделал. О я Вас прошу, любите пожалуйста меня, или я умру самой мучительной смертью.

И. Как пишет девочка семи лет! Какое горе может заставить так повзрослеть?! Я вас всегда считала самой женской поэтессой. Ошиблась? А может не ошиблась? Только женщина способна на такие крайности, такие контрасты, на что даже самый отчаянный мужчина никогда не решится.

М. *(глухо, после паузы)*. Да, я писала: «На одного маленького ребенка в мире не хватило любви». На Ирину. Я временами была жестким человеком. Бескомпромиссным. Наверно эгоцентричным. И наверно считала, что искусство даёт мне больше прав, чем любому человеку. Но дело не только в этом. Ирина была больным ребенком. Нет. не только больным, а нежизнеспособным. Она навсегда бы оставалась нежизнеспособной. Сама бы страдала и страдали бы те, кто с ней рядом. Я где-то писала, что не была человеком церкви, хотя это не значит, что не верила ни во что... Я и сейчас думаю, что принцип христианства - главное любой ценой сохранить жизнь, верен не всегда. Иногда нужно набраться решимости и избавить человека от невыносимых и бесконечных страданий. Когда нет надежды. Да, Ирина была нежизнеспособной. И никогда ею бы не стала. Я действительно так думала. Это была позиция. Не знаю, оправдание ли это, но

когда я почувствовала, что стала нежизнеспособной, что могла и себе и другим – в частности сыну - приносить только страдания, я ушла. По своей воле. В Елабуге.

К. (озадачена). Я ни о чем подобном нигде не читала. Странно...

М. Но все же *(с трудом продолжает)* то, что вы говорите, правда. Я писала дома, работала много. Денег на няню не было. Двое детей, один из которых в три года делал под себя, не соображал ничего, не знал покоя и другим его не давал - помните письмо Али? Ирину ни днем, ни ночью нельзя было оставить без присмотра... Какое было бы искусство. Где граница, чем можно жертвовать...

И. Трудно, почти невозможно иногда оправдать талант. Единственный способ - вы меня убедили окончательно - не связывать автора с его произведениями. Но, как уже говорила, с вами это особенно тяжело. Я очень люблю поэта Цветаеву и может быть поэтому слишком требовательно отношусь к Цветаевой-женщине, особенно в том, что касается любви. Но я уже говорила, это мое личное мнение.

М. Я за многое в жизни рассчиталась... *(пауза)*, но все равно осталась должна еще больше.

(желательно как-нибудь организовать приличный перерыв, может светом, музыкой).

И. Московский период закончился в 1922 году. Наконец вы получили через Илью Эренбурга весточку от мужа, который жил в Праге и учился в университете. Не задумываясь, вы немедленно сорвались к нему в эмиграцию, успехи в России вас не остановили.

М. Позади остались голод, страх, неуверенность, и никакая слава не могла это компенсировать.. Муж всегда оставался для меня самым родным человеком. *(улыбается воспоминания м)*. Это я благословила его на ратный подвиг - сначала добровольцем на фронт, потом в белую армию. Защищать правое дело.

На кортике своем: Марина —
Ты начертал, встав за Отчизну.
Была я первой и единой
В твоей великолепной жизни.
Я помню ночь и лик пресветлый
В аду солдатского вагона.
Я волосы гоню по ветру,
Я в ларчике храню погоны.

Мы снова стали нормальной семьей – отец, мать и дочь. Сергей учился, жил в общежитии университета, мы с Алей снимали квартиру. Был круг знакомых, эмигрантов из России.

И. И стихи. Этот период называют вашей болдинской осенью. Конечно, это очень хорошо. Но сумасшедший автор, который трудился над вашей биографией, не дремал. И мы уже знаем - мощный поток лирических стихов у вас обычно связан с новым романом, не литературным, а вполне реальным. Так произошло и на этот раз. Семейная идиллия продолжалась недолго. Соученик мужа, Константин Родзевич, которого – кстати – друзья называли «маленький Казанова», и над которым вы первое время подсмеивались, неожиданно даже для вас стал сначала любовником, а потом и самой сильной страстью вашей жизни. Так считаете вы, так считает общественность.

М. А вы, судя по интонации, в этом сомневаетесь?

И. Нет, не сомневаюсь. Я же читаю письма. *(Читает в планшете)*. «Мой горячо родной Родзевич! Я глубоко счастлива, когда с Вами. Никогда ни к кому я не была так близко привязана. Ведь все мое горе, что я – не с вами. Какое простое горе... Просто рвусь к Вам...». «Всё это, конечно, только начало. Я пишу Вам о своем хотении (решении) жить. Без Вас и вне Вас мне это не удастся. Жизнь я могу полюбить через Вас. Отпустите — опять уйду, только с еще большей горечью. Вы мой первый и последний ОПЛОТ. (Господи, прости меня за это счастье!)».

Как можно не поверить? Верю, но не понимаю. Почему он?

М. На этот вопрос я как на все другие ответить не могу. Знаю только, это обрушилось на меня, как...гора. Оглушило, лишило воли.

И. А может все проще, чем кажется? Так часто бывает - для многих женщин очень опасен возраст от 30. Это период зрелости. Нас может оглушить сильная плотская любовь. Такое бывает – совпадает время, обстановка, мужчина, и в женщине пробуждается тело.

М. Может и так. Но не имеет значения почему, важно, что произошло. Оказалось, мои измены и похождения были только игрой и похотью, а с Родзевичем они стали исступлением. Тогда уже не до эстетики, тогда все первобытно. Я поняла, сто настоящая страсть это не бальные танцы в белом на паркете, в ней много животного, даже низменного, если смотреть со стороны. Но в страсти со стороны не смотрят.

От друзей - тебе подноготную
Тайну Евы от древа - вот:
Я не более, чем животное,
Кем-то раненое в живот.

Жжет.. Как будто бы душу сдернули
С кожей! Паром в дыру ушла
Пресловутая ересь вздорная
Именуемая душа.

Христианская немочь бледная!
Пар! Припарками обложить!
Да ее никогда и не было!

Было тело, хотело жить,
Жить не хочется.

Хотя нет, было не только тело, не только страсть. Всё-таки тело, душа и чувства. А когда они объединяются...

И. А голова?

М. (улыбка). Нет, голову я тогда совсем потеряла. Потеряла. Она уже не могла меня останавливать, предупреждать, держать в границах. Я и сейчас думаю, что женщина бывает самой счастливой, когда теряет голову. И не важно, что будет потом. За короткий срок можно пережить намного больше, чем за долгие годы обычной жизни. И хорошего и плохого. Не каждой женщине это дано, но наверно каждая втайне хотела бы. Со мной это произошло. Мы действительно потеряли голову. Почти не таились. Снимали комнаты в соответствующих гостиницах невысокого пошиба. С кроватью еще теплой от предыдущей пары. И я даже не чувствовала неловкости. Бродили по каким-то глухим местам.

Дно - оврага.
Ночь - корягой
Шарящая. Встряски хвой.

Клятв - не надо.
Ляг - и лягу.
Ты бродягой стал со мной.

С койки затхлой
Ночь по каплям
Пить - закашляешься. Власть

Пей! Без пятен -
Мрак! Бесплатен -
Бог: как к пропасти припасть.

(Час - который?)
Ночь - сквозь штору
Знать - немного знать. Узнай

Ночь - как воры,
Ночь - как горы.
(Каждая из нас - Синай
Ночью...)

Это действительно были не бальные танцы на паркете. Так продолжалось почти год. А Прага не слишком большой город, и русская община была тоже невелика.

И. А расплата?

М. Да, за это нужно было платить. В таком случае женщина или уходит к другому или возвращается к мужу. И тогда что-то в ней надламывается. Я вернулась к мужу. Мысль, что он останется один тоже была невыносимой.

И. Родзевич не любил стихов, и не скрывал этого. В том числе и ваших. Может это льстило? Значит любит в вас только женщину. Но оставаться с человеком, для которого ничего не значит то, ради чего вы живете?.. И потом вы сознавали, что как просто женщина, без надстройки «поэт» вы не слишком выделялись, уж не обессудьте, разговор прямой. Разумеется, я имею в виду только внешность. Так было бы и с Родзевичем. Поэтому вы, мне кажется, должны были понимать, что перспективы хоть с маленьким, но все-таки Казановой, туманны.

М. Нет, никакие трезвые мысли, никакие рассуждения для меня тогда не были возможны. Когда муж, который уже не мог делать вид, что ничего не замечает, объявил о разводе и об отъезде, я была на грани потери рассудка. Нет, за гранью. И мысли о самоубийстве тоже были, этого не без основания опасался Сергей.

И. Сергей тогда писал Максимилиану Волошину: «Марина рвётся к смерти. Жизнь давно ушла из-под её ног. Она об этом говорит непрерывно». Все-таки тенденция была, я имею в виду Елабугу...

М. А как было больно расставаться... Казалось конца света не миновать.

Не довспомнивши, не допонявши,
Точно с праздника уведены...
- Наша улица! - Уже не наша...
- Сколько раз по ней!..- Уже не мы...

- Завтра с западу встанет солнце!
- С Иеговой порвет Давид!
- Что мы делаем? - Расстаемся.
- Ничего мне не говорит

Сверхбессмысленнейшее слово:
Расстаемся. - Один из ста?
Просто слово в четыре слога
За которыми пустота.

Звук, от коего уши рвутся,
Тянутся за предел тоски...
Расставание - не по-русски!

Не по-женски! Не по-мужски!

Не по-божески! Что мы - овцы,
Раззевавшиеся в обед?
Расставание - по-каковски?
Даже смысла такого нет.

И. И все-таки платить нужно за все. Наверно это справедливо.

М. Конечно справедливо, кто спорит. Не хорошо изменять мужу. Особенно (с сарказмом) это возмущает тех, кто поменял седьмую жену или пятого мужа, и все мал мала меньше... Моложе и моложе. Менять - это нормально... Но я тогда за три месяца написала 90 стихотворений, «Крысолов», кровью две поэмы - «Поэма Горы» и потом буквально за считанные часы «Поэма Конца».

И. Да, эти поэмы признанные вершины любовной лирики.

М. Я бы без этой болдинской осени не стала той Цветаевой, о которой вы сейчас говорите. Так где граница того, что можно и чего нельзя? И есть ли она...

Но с того времени что-то переменялось во мне и в мире вокруг меня. Что-то пошло иначе.

И. Да, Марина, пошло иначе. И прежде всего ситуация изменилась объективно - вы переехали в Париж. И заранее нужно признать, что с этого момента жизнь доставляла вам мало радостей, зато плохого и даже трагичного становилось все больше и больше. Вы как-то написали: «Эмиграция делает меня прозаиком». То есть ваши стихи воспринимались хуже, чем проза. Точнее, ваша поэзия не пользовалась спросом. И вы не обидитесь, если я вместо вопроса выскажу предположение?

М. Рискните.

И. Не без вашего в этом участия. Мне кажется, что после расставания с Константином Родзевичем, которое казалось вам крушением всех надежд, вы сникли. Надломались. Как сами только что сказали. Вам уже не чувствовалось так, как раньше, а следовательно и не писалось, потому что именно чувства, если хотите - влюбленности были ядерным топливом для вашей лирики.

М. (со вздохом). На том топливе, что у меня тогда осталось, даже яичницу не пожаришь. Уже не говоря о влюблённостях... Нужно как минимум что-то похожее на влюбленность в жизнь, а у меня и этого не было. А когда в душе пустота, какая может быть лирика, особенно любовная. Впрочем, я вам это уже говорила.

И кроме перенесенного разочарования была еще одна причина резкого контраста с плодотворной болдинской осенью - даже ваш неукротимый темперамент не перенес бедности, скорее нищеты, бесцветности и бесперспективности жизни в Париже. И в

результате двенадцать лет эмиграции во Франции с точки зрения любовной лирики можно считать ... ну, скажем полупустыней, чтобы не обидеть. Немного стихотворений вошло в копилку.

Вот ваше впечатление о жизни в Париже.

За этот ад,
За этот бред,
Пошли мне сад
На старость лет.
На старость лет,
На старость бед:
Рабочих — лет,
Горбатых — лет...
На старость лет
Собачьих — клад:
Горячих лет —
Прохладный сад...
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!
Сад: ни шажка!
Сад: ни глазка!
Сад: ни смешка!
Сад: ни свистка!
Без ни-ушка
Мне сад пошли:
Без *ни-душка!*
Без ни-души!
Скажи: довольно му́ки — на́
Сад — одинокий, как сама.
(Но около и Сам не стань!)
— Сад, одинокий, как ты Сам.
Такой мне сад на старость лет...
— Тот сад? А может быть — тот свет? —
На старость лет моих пошли —
На отпущение души.
1 октября 1934

М. Я смирилась и почти полностью перешла на прозу. Писала очерки, эссе, литературные портреты, воспоминания - это другая энергетика.

И. Ваша проза издавалась и пользовалась успехом. (читает) «Мой Пушкин», «Мать и музыка», «Дом у Старого Пимена», «Повесть о Сонечке», воспоминания о Максимилиане Волошине и другие. А их качество дало основание Дмитрию Быкову написать:

«Я грешным делом считаю Цветаеву как поэта хотя и выдающимся явлением, но все-таки мне кажется, что она уступает себе же как прозаику, ее проза выше, чем ее стихи. Мне приятно, что в этом у меня есть такой союзник, как Новелла Матвеева».

М. Ох уж этот ваш Быков. Память отличная, много работает, но очень любит оригинальничать, поражать и удивлять. Покрасоваться. Ради этого родного отца не пожалеет.

И. Я как-то об этом не думала.

М. Что там отца. Он разнес «Мастера и Маргариту» вместе с автором. Сказал, что Булгаков написал её, чтобы угодить Сталину. «Книга для одного человека». И какие-то сцены там пошлые, безвкусные. И аморальна она по своей сути...

И. Но любой человек может...

М. Не любой. Читатель может. Вы можете. Но не специалист, литературовед, читающий лекции на всю страну. Он должен знать цену слова.

И. Вы его недолюбливаете. Почему? Ведь Быков вас защищает?

М. (фыркнула). Когда есть такой защитник, никаких врагов не надо. Я по-настоящему не проявила себя, как прозаик. Очерки и эссе они и есть эссе и очерки, пусть даже хорошие. Может, за исключением Повести о Сонечке, хотя это тоже проза поэта. А если прозаик, который вовсе и не прозаик, все равно лучше, чем поэт... Это похвала, которая хуже оскорбления. Вы знаете, что он еще написал в мою защиту? (читает в планшете, еле сдерживается).

«Полагаю, себя как Марину Ивановну Цветаеву, вечно попадавшую в оскорбительно-неловкие ситуации, во всем неумеренную, во всем, кроме литературы, неумелую, — она не любила вовсе, стыдилась ее - слышите, я себя стыдилась! - Вообще, насколько можно судить по ее переписке, ныне почти полностью опубликованной, у нее в самом деле досадно-неловко выходило все, что не касалось литературы. Представления о мире насквозь детские - слышите, вот такой я примитив! - так с тех пор и не пересмотренные; наивные до того, что жаркая, слезная жалость пронзает читателя, открывающего том этой переписки. О чем бы она ни бралась судить, когда дело касается быта... все выходит прежде всего жалко, с полным непониманием предмета, с оскорбительной бестактностью.»

Ну, как вам нравится такой типаж? Этот защитник распространяет худший вариант сплетен о моем идиотизме. Обычные нападки - легкомыслие, самомнение - комплименты по сравнению с его защитой. И даже если бы это было правдой, то говорить о человеке на всю страну с такой (подчеркивает) «оскорбительной бестактностью» - его слова, Быкова - нельзя, тем более, когда он уже не боится схлопотать пощечину в ответ. (подозрительно) А почему вы отмалчиваетесь, Ирина? Что вы думаете о прозаике и поэте? (кладет планшет на тумбочку)

И. Что я думаю... Мне очень нравится ваша проза. Но ее мог бы написать и другой автор, а «Поэму Горы» и «Мне нравится, что вы больны не мной» могла написать только Цветаева. Но я не отмалчиваюсь, я удивляюсь. И пугаюсь. Я помню - вы это я. Точнее мое представление о вас. Но Марина... Я этого не читала, и в моем планшете такого не было. Еще раз спрашиваю - откуда вам известно то, что неизвестно мне?

М. (смущенно). Вы просто забыли, бывает.

И. (берет планшет со стола, ищет) Нет тут такого в планшете. Я брежу? Я давно подозревала...

М. (смущенно). Стерли случайно. бывает... Да не волнуйтесь так. Давайте, продолжим.

И. *(вскакивает, озирается, заглядывает в темные углы. Потом успокаивается, садится на место)*. Спокойно. Не будем сходить с ума. Продолжим. Ваше семейство увеличилось - в Праге родился сын Георгий, которого вы очень любили, а доходов по-прежнему не было. Или почти не было. На литературе на эмигрантском западе не разбогатеешь, а Сергей, ваш муж, практически не работал. Он так и не приобрел специальность, институт не окончил, что-то где-то по мелочам перехватывал. В журналах, в полублагодетельных организациях. Так?

М. Без комментариев.

И. Вы не могли не видеть, что он становится неудачником.

М. Без комментариев.

И. Что он опускается.

М. Без комментариев.

И. Но вы долго не могли позволить себе усомниться в том образе рыцаря без страха и упрека, который создали и поддерживали много лет.

Я с вызовом ношу его кольцо!
- Да, в Вечности - жена, не на бумаге. -
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза - прекрасно-бесполезны! -
Под крыльями раскинутых бровей -
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
- Всем вам, кто жил и умирал без страху! -
Такие - в роковые времена -
Слагают стансы - и идут на плаху.

И все же со временем вы уже не могли не видеть, что роковые времена давно наступили, а Белый рыцарь с этим явно не справляется.

М. (устало). Без комментариев.

И. А можно я попробую дать свои комментарии?

М. (С интересом). Рискните.

И. Вы, Марина, тоже последние годы не очень наслаждались жизнью. Но работали добросовестно, делали все возможное, вы не могли иначе. То что ваша убогая жизнь во многом зависит от слабохарактерности мужа, конечно же понимали. Но вы не такой человек, чтобы бросить его в беде. На обочине. Это исключено. Вы смирились с тем, что не каждому суждено стать успешным, особенно когда мир летит ко всем чертям, смирились с бедностью. Что оставалось важным и неизменным? Чтобы человек не утратил чувства собственного достоинства, порядочности, оставался честным.

М. И что дальше?

И. А дальше в и без того не слишком жизнерадостную ситуацию снова вмешался сумасшедший автор и довел её до трагического абсурда, который нормальному человеку не мог даже прийти в голову. Как можно было предположить, что Белый рыцарь бывший поручик Эфрон, идейный убежденный участник легендарного ледового похода генерала Маркова в составе офицерского полка станет платным агентом НКВД? Что он будет вербовать таких же наемников и предателей. Что примет участие в одной из ликвидаций бывшего советского шпиона, открыто порвавшего с коммунистами. Ничего более позорного с точки зрения эмигрантов быть не могло, и отторжение в полной мере коснулось и вас.

М. (вырвалось). За что?

И. Говорили, что причиной была ностальгия, недовольство уровнем жизни... Не хочу выяснять, как и почему дошел Эфрон до жизни такой, не хочу тратить на него время нашего с вами интервью. Не хочу задавать уже надоевший вопрос, знали ли вы об этом. Я не французская полиция, которая вас допрашивала.

М. Я им сказала: "Его доверие могло быть обманутым, мое доверие к нему непоколебимо".

И. Сказано красиво, вы держись, как могли, но все уже было за гранью того, что может вынести человек и остаться... скажу так - адекватным. Тем более, что опытный вербовщик Сергей «распропагандировал» - так это тогда называлось - и вашу дочь Ариадну. Ей казалось, что её жизнь в Париже не удалась, и терять нечего. Но она недооценила Советы, которые довольно быстро доказали ее ошибку. Ариадна первая вернулась в Москву и первая была арестована.

М. (срывается). Я не могла ее удержать.

И. Потом Сергей сбежал в Россию. Вы остались с Георгием, которого в семье называли Муром, в Париже.

М. Это было ужасно. Меня выталкивали из Франции. Я физически ощущала презрение, мною не заслуженное. Я никогда сознательно не участвовала в том, что противно моей совести.

И. Но вы тогда еще не знали, что может быть кое-что хуже отторжения - тотальный страх, подтвержденный миллионами убитых в стране, чего советская власть даже не скрывала.

М. (очень спокойно). Я знала, что мы едем на смерть.

С фонарём обшарьте
Весь подлунный свет!
Той страны на карте —
Нет, в пространстве — нет.

Выпита как с блюдца, —
Донышко блестит.
Можно ли вернуться
В дом, который — срыт?

Заново родится —
В новую страну!
Ну-ка, воротися
На спину коню

Сбросившему! Кости
Цёлы-то — хотя?
Эдакому гостю
Булочник — ломтя

Ломаного, плотник —
Гроба не продаст!
Той её — *несчётных*
Вёрст, *небесных* царств,

Той, где на монетах —
Молодость моя,
Той России — нету.
— Как и той меня.

О сталинских тридцатых не знали Горький, Ромен Роллан, Бернард Шоу, которые ездили к нему в гости, но эмигранты знали все. Что было делать? В Париже оставаться невозможно, а в Москве были муж и дочь.

И. Вы приехали туда 18 июня 39 года. Жили на даче НКВД под Москвой в Болшино. Так был продемонстрирован статус сотрудника этой организации Сергея Эфрона. Через два месяца оттуда увезли в тюрьму Ариадну, еще через примерно такой же срок арестовали Сергея, и через пять месяцев дача была свободна для очередного кандидата. Но все-таки удивительная страна Россия - в этом доме недавно открыли музей Цветаевой. Не дом-музей НКВД, как следовало бы ожидать. Ну да бог с ними.

И тогда вы в полной мере почувствовали, что значит одиночество, страх - за близких, за себя. Письма с просьбами, очереди в тюрьмах. Ни надежды, ни поддержки. Одна. Вот январь сорокового, неоконченное, не доработанное стихотворение. Но в нем такое отчаяние!

Многие мои! О, пьющие
Душу прямо у корней.
О, в рассеянии сущие
Спутники души моей!

Многие мои! Несметные!
Мертвые мои (— живи!)
Дальние мои! Запретные!
Завтрашние не-мои!

Смертные мои! Бессмертные

Вы, по кладбищам! Вы, в кучистом
Небе — стаяй журавлей...
О, в рассеянии участи
Сущие — души моей!

Вы, по гульбищам — по кладбищам-
По узилищам —

М. Зато окружающие от меня испуганно шарахались, или всеми силами старались избегать встреч, А уж знаменитые знакомые, о которых вы упоминали, тем более. Людей

не боявшихся общаться со мной было немного. Даже Борис Пастернак сначала перепугался, правда потом взял себя в руки и помогал получать переводы - писать мне ничего не разрешали. Последним был перевод Гарсиа Лорки.

И. Я читала, что Эфрона пытали, хотели, чтобы он и против вас дал показания. Он вроде бы отказался.

М. (твердо) Я в это верю.

И. И вы писали горячие письма в его защиту. Из чувства долга?

М. Мы всегда были очень близкими людьми.

И. Но ведь он вас и детей втянул в эту историю.

М. (долгая пауза, должна создать напряжение). Это еще неизвестно кто кого...

И. Как это? Как это?

М. Ну хорошо, я скажу. Все равно никто вам не поверит. Я вот что думаю. Сережа был хорошим, но... не очень умным человеком. Немного слабовольным. Он видел, что становится никем и болезненно это переживал. Да и я стала время от времени примерно такое ему говорить, иногда довольно откровенно. Этого он вынести не мог. И попытался убедить себя, а главное меня, что причина этому одна - он не дома, он на чужбине. В России все было бы иначе. Чтобы доказать, что он что-то значит, Сергей и поддался на посулы гебистов. Других реальных возможностей как-то проявить себя не находил. И старался он ... дурачок... ради меня, как и все, что делал в жизни. Я, занятая собой, это поздно поняла. уже в Москве, на даче. При каждом уважительном а иногда подобострастном обращении к нему - гебист!- он победительно смотрел на меня - а ты говорила... И однажды напрямую сказал что-то в таком духе. А когда взяли Алю, он... (с трудом берет себя в руки). Когда за ним тоже пришли, Сергей даже облегченно вздохнул. Кстати пришли по-советски, с издевкой: «Ждал-то – орден, а получил - ордер». Выходит, я сама, не зная, не ведая, была не просто соучастницей, но даже подстрекателем.

И. (испуганно). Нет, я такого придумать не могла! Даже при всем желании. Марина, все-таки ущипните меня за руку! Так значит Галилей был прав и она вертится! И ночью бог знает до чего можно договориться? Ведь то, что вы сказали...

М. (невинно) А что я сказала?

И. Только что, о муже...

М. (еще невиннее). Ничего такого я не говорила. Я вообще молчала.

И. Так я и думала! (берет себя в руки). Спокойно, не будем сходить с ума. Ну хорошо... Марина, а где выжили после Болшино? Честно говоря, я долго была уверена, что вас

сослали в Елабугу сразу после ареста Эфрона. И уверяю вас, даже сейчас многие думают, что в Елабуге вы были в ссылке. Потому что никаких следов вашей жизни в Москве после Болшино нет. Я перерыла Интернет - никто не знает, где жили, что делали. Почему?

М. Потому что меня и не было. Не было. Фантом. Мало кто знал о моем существовании. После эмиграции даже упоминать обо мне, не говоря о том, чтобы публиковать, было запрещено. Когда возвратилась - тем более, жена и мать врагов народа. Фамилию под переводом боялись поставить. Моя смерть вызвала некоторый шум, но и его старались приглушить. Я ушла в небытие во всех смыслах. И только потом, во время оттепели началось возвращение. По воле читателей, а особенно читательниц. Прорвались мои стихи. Сами по себе. Помните, вы читали:

Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.

И. А пока вы с сыном жили за счёт переводов... Голодали? Кто-то упоминал.

М. Нет, после Парижа меня уже трудно было удивить. Сороковой год был тучным в советском понимании. И контраст не такой, как во Франции. Все выглядели и жили примерно одинаково. Ни бедных, ни богатых. Серые. Ни на кого не похожие. Удивительно, но меня не выбросили из союза советских писателей. Членам союза кое-что подбрасывали.

И. Да, я знаю. Кто-то писал, что видел вас в доме отдыха писателей. Что вы были замкнутой, неконтактной.

М. Не написал - как вы сказали - неадекватной? И это была бы чистая правда.

И. Ничего удивительного, существует предел всему. Словом, оказалось, что когда началась война вас с сыном. эвакуировали из Москвы пароходом в Елабугу в составе группы писателей. Туда вы приплыли 18 августа, Вам сразу же выделили комнату, для эвакуации довольно приличную. Потом вы съездили в город Чистополь, где в основном находились эвакуированные литераторы. Там получили согласие на прописку и оставили заявление: «В совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда». Тоже получили согласие. Возвратились в Елабугу.

А 31 августа покончили жизнь самоубийством.

М. Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

Единственная моя радость - вы будете смеяться - восточный мусульманский янтарь, который я купила на парижском «толчке». Носила его на теле невидимо...

Пора снимать янтарь...

И. Вы оставили три записки, одна сыну, в других просили о нем позаботиться. О вашем самоубийстве так много сказано и написано, что... Марина, я не хочу ни обсуждать, ни оправдывать, ни осуждать. Это божья епархия.

М. Спасибо.

И. Конечно, ваш принцип, что человек имеет право уйти, если впереди одни мучения и нет никаких надежд, неправильный. Надеяться, говорят, нужно всегда. Но зато... зато вы не узнали, что мужа расстреляли, что сын погиб на войне в первом же бою, что дочь еще будет сидеть долгих пятнадцать лет. Не знаю, может вам и без этого уже хватало страданий на нашей земле...Я говорила - судить не берусь. А до будущего, когда не только Россия, но и весь мир признает Марину Цветаеву классиком и выдающимся русским поэтом, вам вряд ли удалось бы дожить. И наверно весть об этом признании уже дошла до тех миров, где вы находитесь.

Но вот еще о чем я подумала... Если я хорошо поняла ваш характер... Это было не только отчаяние, бесконечная усталость. Не только искупление. Это была и жертва, вы надеялись, что жертва поможет спасти мужа, сына и дочь. Но страшный молох - советская власть - был ненасытен.

В одном не уверена - это мои мысли, или вы, Марина, мне их внушили. Впрочем, это не важно.

(Ирина выходит вперед).

Не хочется тему замечательного любимого поэта завершать на печальной ноте. И кроме того нельзя в такой вечер не прочитать еще одно стихотворение, каким бы популярным и растиражированным оно не было.

(Читает дуэтом с Пугачевой, которая звучит чуть тише - как бы вторит Ирине).

Мне нравится, что вы больны не мной,
Мне нравится, что я больна не вами,
Что никогда тяжелый шар земной
Не уплывет под нашими ногами.
Мне нравится, что можно быть смешной -
Распущенной - и не играть словами,
И не краснеть удушливой волной,
Слегка соприкоснувшись рукавами.

Спасибо вам и сердцем и рукой
За то, что вы меня - не зная сами! -
Так любите: за мой ночной покой,
За редкость встреч закатными часами,
За наши не-гулянья под луной,
За солнце, не у нас над головами,-
За то, что вы больны - увы! - не мной,
За то, что я больна - увы! - не вами!